

УДК 141

А. М. Закеев

**ВОСПРИЯТИЕ НИЦШЕ В ФИЛОСОФИИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
(на примере журнала «Современные записки»)**

Рассматривается реакция мыслителей русского зарубежья на философию Ницше в рамках журнала «Современные записки». Выделены идеи философа, упоминающиеся на страницах журнала. Определено значение мыслей Ницше для некоторых представителей русского зарубежья.

This article considers the response of Russian philosophers abroad to Nietzsche's philosophy in the pages of the Sovremennye Zapiski journal. The philosopher's ideas addressed in the journal are identified. The author analyses the significance of Nietzsche's thoughts on certain Russian philosophers abroad.

29

Ключевые слова: история русской философии, русское зарубежье, сверхчеловек, революция, переоценка ценностей, учение о вечном возвращении.

Key words: history of Russian philosophy, Russian philosophy abroad, *Übermensch*, revolution, reevaluation of values, teaching of "eternal return".

В данной статье на примере журнала «Современные записки» рассматривается восприятие философии Фридриха Ницше русским зарубежьем. Этот журнал выходил в Париже с 1920 по 1940 г. Его средний тираж составлял полторы тысячи экземпляров, максимальный доходил до трех тысяч. «Современные записки» создавались при участии А.Ф. Керенского, который смог получить чешские субсидии на это издание. Журнал регулярно выплачивал гонорары, что было редкостью для периодических изданий эмиграции. Редакторами журнала в разные годы были Н.Д. Авксентьев, И.И. Бунаков, М.В. Вишняк, А.И. Гуковский, В.В. Руднев. «Современные записки» задумывались как издание, посвященное «прежде всего интересам русской культуры» [19, с. I], именно так редакторы обозначили свою цель в предисловии к первому номеру. Издание прекратило свое существование в 1940 г., после оккупации Франции фашистской Германией [1].

Журнал декларировал стремление объединить все, что находится «в области художественного творчества, научного исследования или искания общественного идеала», все, что представляет «ценность с точки зрения русской культуры» [19, с. I]. В «Современных записках» были представлены самые разные течения общественно-политической и философской мысли; для журнала в разные годы активно писали такие философы, как Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский, Л.И. Шестов, Б.П. Вышеславцев. Довольно часто здесь публиковались рецензии на художественную и философскую литературу, авторами которых были также довольно крупные русские мыслители (Бицилли, Степун, Федотов и др.).

* * *

Философия Ницше не случайно вызывала интерес русского зарубежья. Эмиграции казалось, что именно ему удалось предсказать ту катастрофу, что постигла Европу в начале XX в. и в итоге породила русскую революцию. Среди актуальных для немецкого мыслителя сюжетов один из первых — проблема разрушения и умирания культуры. Эта проблема и для наших соотечественников всегда была первостепенной.

Имя Ницше на страницах журнала встречается регулярно, но заметим, что отдельных статей, посвященных немецкому мыслителю, нет. Чаще всего имя Ницше в журнале фигурирует в статьях Г. В. Адамовича, П. М. Бицилли, Б. М. Гессена. Однако если учесть, что эти авторы довольно активно публиковались в «Современных записках», то оказывается, что периодичность, с которой у них встречается имя Ницше, не является исключительной. Напротив, в работах Н. А. Бердяева, Г. Л. Ловцкого, Ф. А. Степуна, Б. Ф. Шлёцера, которые печатались реже, Ницше упоминается гораздо чаще.

Наибольший интерес для авторов «Современных записок» в творчестве немецкого философа представляют идеи *сверхчеловека*, *переоценки ценностей* и интенции, связанные с его рефлексией современности, другие сюжеты упоминаются вскользь, возникают случайно. Сюда можно отнести вопросы, связанные с эстетикой, с феноменом любви, с идеей вечного возвращения. На страницах журнала помимо философских идей Ницше оживленное обсуждение вызывала сама личность философа, его личностная трагедия.

Начнем с одного из самых востребованных сюжетов, с идеи *сверхчеловека*, которая активнее всего обсуждалась в начале 1920-х гг., правда, почти всегда вскользь. Но можно попытаться реконструировать ее восприятие на основе материалов, представленных в журнале, хотя картина получится довольно условной. К примеру, для Шлёцера, сверхчеловек — это в первую очередь эгоист, для которого коллектив только материал:

Всякий человек, который является действительно человеком, должен научиться думать один за всех и в случае нужды — против всех. Мыслить искренно, даже если это против всех, значить мыслить за всех [24, с. 259].

Здесь раскрывается неконформистская задача, которую должна воплощать в себе идея *сверхчеловека*, выраженная в *свободном уме*. Именно свободный, освободившийся ум, способный мыслить критически, сможет принимать *правильные* решения.

Примерно в том же ключе рассуждает и Н. А. Бердяев, для которого в идее сверхчеловека раскрываются «последние пределы человекобожества» [4, с. 327].

Гессен говорит о предпосылках появления сверхчеловека и считает, что кантовская этика у Ницше и Шопенгауэра претерпевает «оба возможных типа разложения» [8, с. 321]. Для него путь Ницше — это «путь активности и свободы, но столь уединенный в своем индивидуализме

путь, что ему тесны не только узы всеобщего закона, но вообще какие бы то ни было связи, устанавливаемые нормой» [8, с. 322]. Автору в этом положении удалось отразить суть всех устремлений сверхчеловека, который разрывает любые связи: родственные, дружеские, общественные, чтобы проверить не иллюзорны ли они, обрести новую перспективу видения мира и таким образом получить личность, ставшую результатом сражения *льва с драконом*, завоевавшую «себе свободу и священное Нет даже перед долгом» [18, с. 23].

Совершенно справедливо намечает взаимосвязь между двумя главными идеями философа Н.М. Минский: «Ницше, который завещал нам эту новую заповедь переоценки ценностей, дал нам в то же время и мерило для такой переоценки, именно идею сверхчеловека» [16, с. 189]. Важным аспектом этой самой переоценки является то, что «эта заповедь велит нам всякий раз, когда мы приступаем к оценке какого-либо вечного произведения искусства, философии или религии, ставить вопрос: причем тут человек?» [16, с. 189]. Для этого автора в наследии Ницше важен вопрос о том, какая роль отведена человеку в формировании ценностей, определении границ добра и зла.

Понятно, что этот сюжет для русской эмиграции неразрывно связан с революцией:

Та переоценка всех ценностей, о которой мечтал когда-то Ницше, ныне уже, безусловно, началась и совершается на наших глазах, во всех областях. Революция отрубила все питавшие нас корни, выбросила из привычных условий, и вот мы стали «беспочвенными» [23, с. 377].

Интерес к переоценке ценностей и к сверхчеловеку особенно замечен в ранних номерах журнала, что может быть связано с хронологической близостью революции и мировой войны — событий, которые многими воспринимались апокалиптически.

Еще один значимый для «Современных записок» сюжет — это осмысление знаменитой интенции Ницше: «ни злое, ни доброе, а по ту сторону зла и добра» [14, с. 248]. По мнению Шестова, немецкий философ приходит к этой идее через «открытие, что закон не спасает, что он не защитит от пропасти, что он только тонкая паутина, до времени скрывающая от людей бездну погибели» [22, с. 243]. Это *покрывало Майи* [26], которое Ницше разрушает в своей книге «По ту сторону добра и зла», а затем и в «К генеалогии морали», вскрывая механизмы формирования понятий. Но Мережковский считает, что помимо человеческого понимания добра и зла и «кроме наших скудных нравственных мер, деревянных аршинов есть "золотая трость"» [14, с. 217] ангела апокалипсиса, то есть божественное истолкование этих понятий, которое, по всей видимости, немецким философом не было учтено, только из-за того, что такой подход вовсе был отброшен.

Еще одна тема — Ницше как разоблачитель современности. Здесь его философия «по существу является беспощадным, радикальным, приговором безрелигиозной психологии, тем суррогатам религии, которые выдвинула жизнь за XIX век» [9, с. 359]. Имя Ницше в первую очередь связывают с бунтом, с дерзновением. Он «ненавистник демо-

кратии, социализма, современного прогресса и вместе с тем революционер духа» [2, с. 289]. Ницше, считает П. М. Бицилли, восстает против современности, его охватывает тревога. Такая же тревога, которая была у Достоевского, Метерлинка, Розанова. Можно говорить о ряде мыслителей того времени, которые, по его мнению, предчувствовали приближающийся катаклизм; к ним П. М. Бицилли относит Пруста, Бергсона [5, с. 277]. Всех их объединяет иррациональный взгляд на мир. Именно эти непосредственные душевные переживания, которые находят свое отражение в их творчестве, Г. Л. Ловцкий приписывает и Ницше. Он видит в творчестве философа «ужас опустевшей души» [12, с. 416]. Вся философия Ницше — это реакция на современный ему мир, на нравственное и интеллектуальное состояние этого мира.

В наследии немецкого философа можно выделить ряд идей, к которым авторы «Современных записок» отнесли несколько настороженно. Одна из них — идея «вечного возвращения». Г. Л. Ловцкий пишет о ней как об «отраде самообольщения "единой" истиной». Она становится единственной абсолютной непререкаемой идеей в творчестве Ницше, но при этом являет себя как «величайшее бремя», и всю тяжесть этой идеи, по мнению Г. Л. Ловцкого, немецкий философ «пытается преодолеть в утверждающем жизнь сверхчеловеке, в воле к власти» [11, с. 424]. С. И. Гессен, рассматривая эту идею несколько иначе, видит в ней своеобразное развитие этики Канта¹. В данной идее человек — заложник своих поступков, которые будут повторяться бесконечное количество раз, и отвечает он за них уже перед лицом вечности, в которую он вовлечен, а не перед неким трансцендентальным субъектом. Таким образом, идея *вечного возвращения* рассматривается в двух аспектах. Первый исследует идею как единственное, что имеет в философии Ницше абсолютный характер, второй анализирует идею в ее этическом осмыслении.

На страницах журнала довольно часто обсуждается проблема любви. Ф. А. Степун считает, что для Ницше «любовь не только притяжение в любви, но и отталкивание в борьбе» [20, № 14, с. 123]. Минский, рассуждая о Заратустре, говорит, что «апостол сверхчеловечества, отправляясь к женщине, берет с собой хлыст» [16, с. 202]. А один из героев романа «Николай Переслегин» Ф. А. Степуна замечает: «Где-то у Ницше сказано, что нет любви без безумия, но нет и безумия без смысла» [20, № 14, с. 74]. Можно смело утверждать, что для авторов «Современных записок» и в этом вопросе Ницше вполне ожидаемо остается в рамках иррационализма, для которого любовь существует в противоречии и постоянном конфликте.

¹ Учение Ницше о вечном повторении есть дальнейшее развитие основного мотива кантовской этики: только если у Канта отвлеченная всеобщность категорического императива мыслится как бы в измерении широты, как возможность неопределенного повторения нравственного поступка в социальном пространстве, то у Ницше — в измерении длины, как бесконечное повторение одного и того же поступка во времени [8, с. 337].

П. М. Бицилли отмечал, что подход Ницше к культуре есть «процесс, имеющий свою ритмику, определяемую сменами периодов творчества и распада» [5, с. 333], и по сути цикличен, выражается через аполлоническое и дионисийское начало. Н. А. Бердяев находит похожие черты у Ницше и Леонтьева в обсуждении проблемы красоты: и тот и другой требовали «смирения перед красотой нужны жертвы, насилие и несправедливость» [3, с. 331]. Здесь эстетика возвышается над этикой. Об эстетизме Ницше говорит и Г. Л. Ловцкий, когда сравнивает Ницше со Скрябиным: «В этом состязании певцов неизвестно еще, кто берет более высокую ноту — Ницше или Скрябин. Но и тут и там надрыв» [10, с. 133].

Зачастую имя философа упоминается в одном ряду с Шестовым, Достоевским, Толстым, Шопенгауэром, Гёте, Вагнером, Ибсеном, Шпенглером. Иногда в этот список попадают Ленин с Марксом. Однако многие значимые идеи Ницше не вызвали интереса авторов «Современных записок». Практически не представлены в журнале идеи, посвященные музыке, которой Ницше уделял не последнее место. Тезис о смерти Бога, как и мысли из работы «К генеалогии морали», остается без внимания, так же как и один из самых знаменитых его персонажей — Заратустра. Зато особый интерес представляет сама личность немецкого философа, его личная трагедия, переживания, жизненный путь. Он носил «в груди пляшущую звезду, от которой и сторел» [15, с. 212]. Болезнь для Ницше становится отправной точкой всей его философии, которая рождается под гнетом недуга: «...я сделал из воли к здоровью, к жизни мою философию» [17, с. 700]. Б. Ф. Шлёцер считает, что «Ницше — явление единственное, неповторимое; его переживания и его трагедия — нечто совершенно своеобразное» [25, с. 333].

В публикациях журнала к философу часто применяют эпитеты *безумец, пессимист, аморалист, артист, эстет, язычник, художник-тиран*. М. В. Вишняк и вовсе заявляет, что «невнятица полубезумного Ницше оказалась в конце концов более близкой к действительности, чем критическая аналитика и синтетические суждения a priori» [7, с. 334]. Таким образом, всплывает известный сюжет об иррационализме Ницше. С. В. Лурье писал, что иррационалисты, такие как Шопенгауэр, Бергсон, Ницше, «отрицая разум, разумом же создавали свои системы» [13, с. 183], но системы, уже отличные от обычных рационалистических конструкций. «Ницше убил не только логические категории мышления, он убил закон и страстно зовет безумие с его мраком» [11, с. 424]. О таком безумии можно говорить только как об этапе, способствующем переоценке ценностей. В чем и выражается вечная борьба и сопротивление разуму.

Стоит добавить то, что русская эмиграция очень четко разводила идеи Ницше и мысли следовавшего за ним ницшеанства, отличавшегося расистскими настроениями, которые были чужды немецкому философу. Ницше был врагом всякой расистской «ерунды и выдумки».

В связи с этим можно вспомнить Ф. А. Степуна, который говорил о Ницше: «...всякая попытка популяризации его уничтожает» [20, № 21, с. 315], так как вследствие этой самой популяризации мысли и идеи Ницше обретают экстремистский характер.

Для «Современных записок» философские идеи Ницше становятся необходимым элементом обсуждения современного состояния общества, его трагического прошлого, неопределенного будущего. Это обусловлено эмоциональной близостью немецкого философа к русской эмиграции, которая остро переживала свою оторванность от родины, вовлеченной в революционный поиск новых идеалов и ценностей.

Список литературы

1. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции : сб. / под ред. О. Коростелёва и М. Шрубы. М., 2010. Т. 1.
2. Бердяев Н. А. В защиту христианской свободы // Современные записки. 1925. №24. С. 285–303.
3. Бердяев Н.А. Русская религиозная мысль XIX века // Там же. 1930. №42. С. 309–343.
4. Бердяев Н.А. Первородный грех и социальное творчество // Там же. 1923. №44. С. 321–252.
5. Бицилли П. Жизнь и литература // Там же. 1933. №51. С. 273–287.
6. Бицилли П. Современная Культура // Там же. 1923. №49. С. 318–334.
7. Вишняк М. В. Штыки и «Мистика» // Там же. 1935. №57. С. 330–340.
8. Гессен С. И. Трагедия добра в «Братьях Карамазовых» // Там же. 1928. №35. С. 308–338.
9. Зеньковский В. В. Система культурного дуализма // Там же. 1929. №38. С. 352–379.
10. Ловцкий Г. Музыка и диалектика // Там же. 1921. №2. С. 124–140.
11. Ловцкий Г. Рец. на кн.: Живая неудача и мертворожденная схема // Там же. 1923. №14. С. 423–428.
12. Ловцкий Г. Рец. на: Шестов Л. Власть ключей // Там же. 1923. №15. С. 413–418.
13. Лурье С. В. Два пути // Там же. 1921. №7. С. 162–187.
14. Мережковский Д. С. Наполеон человек // Там же. 1928. №35. С. 243–289.
15. Минский Н. М. Единственный светоч // Там же. 1921. №6. С. 207–217.
16. Минский Н. М. От Данте к Блоку // Там же. 1921. №7. С. 188–208.
17. Ницше Ф. Эссе Номо. Как становятся сами собою // Соч. : в 2 т. М., 1996. Т. 2.
18. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М., 2009.
19. От редакции // Современные записки. 1920. №1. С. I–II.
20. Степун Ф. Николай Переслегин // Там же. 1923. №14. С. 1–85 ; 1924. №21. С. 119–148.
21. Степун Ф. По поводу письма Н.А. Бердяева // Там же. 1925. №24. С. 304–320.
22. Шестов Л. И. Гефсиманская ночь // Там же. 1924. №20. С. 235–264.
23. Шлёцер Б. Рец. на кн.: Трубецкой Н.С. Европа и человечество // Там же. 1921. №2. С. 376–381.
24. Шлёцер Б. Рец. на: Роллан Р. Клерамбо. История одной совести во время войны // Там же. 1921. №3. С. 258–261.

25. Шлёцер Б. Рец. на: Адлер Ш. Предшественники Ницше // Современные записки. 1921. №6. С. 332–337.

26. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // О четвероюлке корне. Мир как воля и представление. М., 1993. Т. 1 : Критика кантовской философии. С. 125–501.

Об авторе

Алексей Маратович Закеев — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: azakeev@gmail.com

About the author

Alexey Zakeev, PhD student, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: azakeev@gmail.com